

*Анне Петровне Уткиной,
достойно прожившей этот жестокий век,
преодолевшей три страшных голода 1921, 1933, 1944 гг.,
две мировые войны и одну гражданскую, три революции,
коллективизацию и индустриализацию,
правителей от Николая II до Ельцина, верующей
и не потерявшей веры в нас, судьбу и Россию —
посвящается эта книга внука.
Москва, 2008*

ВВЕДЕНИЕ

Почти три столетия Россия заполняла колоссальный вакуум, образовавшийся в результате краха Монгольской империи. Первые русские — казаки Ермака — пересекли границу Европы и Азии в самом конце царствования царя Ивана Грозного. Перед ними лежала необозримая Сибирь, а за ней Дальний Восток и Великий океан. Движение на Восток было безудержным, оно было блистательно продолжено Дежневым и всеми теми, кто вышел к Тихому океану столетием с небольшим позже испанцев, увидевших этот океан в самом начале XVI века.

Русские неукротимо шли вперед, пересекли Берингов пролив, вышли в современную Канаду, освоили нынешние Орегон, Вашингтон и замедлили свой бег только в Северной Калифорнии. Расположенный чуть к северу от Сан-Франциско форт Росс — вот крайняя точка продвижения русских по периметру Великого океана.

То был северный поток русского заселения. Южный же остановился на границах Китайской империи. Китай, по выражению Наполеона, «спал». Китайцы не хотели заселять холодные северные земли. Их заселили русские.

Петр Великий обеспечил выход России к Балтийскому морю, Екатерина Великая пришла на берега Черного моря, при Александре Втором Россия начала обустраивать свои земли по берегам Тихого океана. Это в значительной мере меняло геополитическое положение России в мире. Теперь Россия была полнокровным соседом двух величайших азиатских стран — Китая и Индии, теперь русские участвовали в эволюции огромного Тихоокеанского бассейна.

Начинается четвертьвековой подъем русской промышленности, темпы экономического роста России в тот период действительно впечатляют. После своего рода паузы между правлениями Павла I и Александра II технический гений восточных славян, обогащенный немецким, французским, бельгийским опытом, начинает проявлять себя: сеть железных дорог, самый крупный в мире нефтяной комплекс вокруг Баку, угледобывающий гигант Донбасс и др.

* * *

Географические размеры России, численность ее населения, постоянно увеличивающийся экономический потенциал и военная мощь гарантировали ей место великой мировой державы. Уже на Берлинском конгрессе (в 1878 г.) понадобилось объединиться практически всему миру, чтобы ограничить растущее влияние рвавшегося вперед гиганта.

В 1900 г. Россия была как никогда близка к Западу, но в то же время далека от западных стандартов жизни. Если доля Европы в мировом промышленном производстве за полтора века увеличилась с одной трети до двух третей, то доля России возросла с 5% до менее 9% общемирового объема.

В 1897 году Россия впервые узнала о себе многие объективные факты — проведена была первая перепись населения. Население России составило 129,4 млн. человек — столько же, сколько в Германии, Англии и Франции, вместе взятых. В России оказались два города с более чем миллионным населением — Санкт-Петербург и Москва. Выросли индустриальные города, о которых ранее никто не слышал — Екатеринослав, Иваново, Царицын, Баку. Неудивителен сделан-

ный на Западе вывод о потенциале России: «Ее известные природные ресурсы невозможно измерить. Они больше по совокупному объему и по разнообразию, чем разведанные природные ресурсы любой другой нации. Уже разведанных ресурсов достаточно, чтобы прийти к выводу, что это огромный резервуар, ожидающий труда и предприимчивости».

Доля мирового промышленного производства в % за 1750—1900 гг.

	1750	1800	1860	1900
Вся Европа	23,2	28,1	53,2	62,0
Англия	1,9	4,3	19,9	18,5
Австро-Венгрия	2,9	3,2	4,2	4,7
Франция	4,0	4,2	7,9	6,8
Германия	2,9	3,5	4,9	13,2
Италия	2,4	2,5	2,5	2,5
Россия	5,0	5,6	7,0	8,8
США	0,1	0,8	7,2	23,6
Япония	3,8	3,5	2,6	2,4
Третий мир	73,0	67,7	36,6	11,0
Китай	32,8	33,3	19,7	6,2
Индия	4,5	19,7	8,6	1,7

Источник: Kennedy P. Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1988, p.190.

* * *

Встает вопрос: чьих «труда и предприимчивости» ожидала Россия? По мнению Запада, именно он и должен был взять под свой контроль этот «огромный резервуар». Отсюда непрерывные попытки подчинить себе Россию, отсюда непрекращающееся давление на нее, отсюда военные походы на русские земли.

Вся первая половина двадцатого века была для России фактическим военным противостоянием с Центральной или(и) Западной Европой. Тяжелое время, горькая судьба народа. Почти треть населения России погибла, потеряла места своего проживания...

В наше время, в эпоху колоссального мирового неравенства, выделения стран, готовых диктовать свою волю и не исключаящих для себя упреждающих ударов, разгула терроризма, разъединения прежней великой страны, — опыт XX века ясно свидетельствует о преступности самоуспокоения.

Если нам суждено пройти через испытания, схожие с пережитыми в XX веке, то история войн России в двадцатом столетии лишь увеличивает свою актуальность.

Часть первая

ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

Подъем России

Великий индустриальный подъем России в 1892—1914 гг. оказал воздействие на национальное мировоззрение. Пожалуй, более всех формированию нового геополитического самосознания на рубеже XIX и XX вв. способствовали философ Вл. Соловьев, географ И. Мечников и поэт В. Брюсов. Они разрушили представление о необратимой предопределенности развития огромного мира путем вестернизации и показали, что Запад, Европа, Россия в будущем могут столкнуться с тем, чего не было уже четыреста лет, — с жестким, упорным и имеющим шанс на успех сопротивлением Азии.

Впереди безграничные азиатские горизонты. Ради гарантированного подхода к ним Россия строит Великую транссибирскую магистраль, величайшую железную дорогу мира, подлинное чудо света. Великая железная дорога решающим образом приближала Дальний Восток к центру России. Чтобы освятить начало строительства Великой Транссибирской магистрали, которая станет осью всей страны — от Балтики до Японского моря, наследник русского престола Николай вбил в 1891 г. первый клин в полотно Транссибирской железной дороги, начинающейся во Владивостоке, в нескольких метрах от Японского моря. (Пользуйся А. П. Чехов Транссибом, он в своем путешествии к Сахалину прибыл бы к Тихому океану не за три месяца, как это было в 1890 г., а за одну неделю.)

Далее Россия ввела войска в Северный Китай, построила железную дорогу в Маньчжурии (КВЖД) и создала великолепный морской порт Порт-Артур, где по указу царя разместился наместник Дальнего Востока адмирал Алексеев.

Однако группа российских политиков во главе с министром финансов С.Ю. Витте выступила против авантюры на Дальнем Востоке летом 1903 г. Он считал, что даже отступление перед японским напором выгоднее России, чем риск безумной растраты небогатых российских ресурсов. В интересах России не следует пытаться играть лидирующую мировую роль, гораздо целесообразнее отойти во второй ряд мировых держав, организовывая тем временем страну, восстанавливая внутренний мир. «Нам нужно от 20 до 25 лет для решения собственных внутренних дел, сохраняя спокойствие во внешних делах». Россия начинала создавать свой центр экономического влияния там, где конкуренция с Западом отсутствовала, — в Северном Китае, Афганистане, Северном Иране, Корее. Такие образования, как Русско-Китайский банк, служили твердой основой русского влияния. Нужны были годы труда, обучения, восприятия опыта, рационального использования природных ресурсов, чтобы поставить Россию в первый ряд гигантов мира. В начале века, накануне крестного пути России, Витте доказывал царю Николаю: «В настоящее время политическая мощь Великих Держав, призванных выполнить исторические задачи, создается не только духовною силою их народов, но их экономической организацией... Россия, возможно, более других стран нуждается в надлежащем экономическом основании ее национального политического и культурного здания... Наше недостаточное экономическое развитие может вести к политической и культурной отсталости».

Уже Ф.М. Достоевский ощутил этот тектонический сдвиг: «С поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил... В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда».

Строителям тихоокеанского форпоста было ясно: в то время как в Европе Россия выглядела отсталой страной (импортером капита-

ла, призывающим западных капиталистов и менеджеров), в Азии она смотрелась как передовая европейская держава, несущая прогресс во всех сферах материальной и духовной жизни. Если для немца и даже поляка Россия была очевидным не-Западом, то для перса, монгола и китайца она была очевидным Западом. И русские генералы сами поверили в свою западную элитарность, способность к скоростной рекогносцировке, реалистическому планированию, быстрой мобилизации сил.

Противодействие Японии и «помощь» Германии

Японский посол в Пекине Комура Ютаро ясно видел свою цель: изгнать русских из Китая, не позволить им закрепиться в Китайской империи. В этом направлении он прилагал все мыслимые усилия в беседах с китайскими переговорщиками — принцем Чин и Ли Хунчаном. Он настойчиво пытался заставить китайскую сторону потребовать от Петербурга вывода войск из Маньчжурии. Одновременно японский посол в Петербурге требовал объяснения смысла деятельности русских войск в Маньчжурии. Ему отвечал министр иностранных дел Ламздорф: «Маньчжурский вопрос касается только России и Китая. Я не обязан отвечать на вопросы японского правительства. Могу лишь сказать, что Россия, в соответствии с ее неоднократными уверениями, возвратит управление Маньчжурией китайским властям и выведет свои вооруженные силы из этого региона».

Действия царского правительства в Маньчжурии и в Корее укрепили японскую элиту в необходимости войны. Договор с Великобританией как бы санкционировал этот курс. Теперь Япония могла не бояться европейской солидарности и международной изоляции. Вся мощь британской империи стояла теперь на стороне Токио.

Петербург на первом этапе демонстрировал дружелюбие. Территория к юго-западу от Мукдена и Кирина была возвращена Китаю. Но на *второй* фазе процесс вывода российских войск замедлился. Петербург опасался, что, выводя свои войска, он создает вакуум, который может быть заполнен недружелюбными державами.

В то же время Германия, ее элита, не хотели ослаблять решимость России по-своему решить дальневосточный вопрос — тогда она сместит центр своего внимания с Дальнего Востока на европейский театр. «Возвращение» России в Европу было бы худшим поворотом дел для Германии — новая опасность «штальринга», стального кольца окружения. И хотя кайзер Вильгельм не был готов встать *единым* с Россией фронтом, он всячески поддерживал решимость царя Николая Второго обрести величие на Тихом океане. Именно в эти месяцы германский кайзер называет российского самодержца «адмиралом Тихого океана», в то время как себя — «адмиралом Атлантического океана». 2 сентября 1902 г. Вильгельм предложил Николаю «смотреть на германский и российский флоты как на одно единое целое, принадлежащее одному великому континенту, чьи интересы диктуют оборону побережий на далеких берегах... Практически это означает хранить мир во всем мире».

Кайзера Вильгельма несомненно обеспокоило то обстоятельство, что японский военный атташе в Пекине взялся за дело реорганизации китайской армии. «Они готовят их к тому, чтобы изгнать из страны всех иностранцев... От двадцати до тридцати миллионов подготовленных китайцев, поддержанных полудюжиной японских дивизий и ведомых бесстрашными и ненавидящими христиан японскими офицерами, — вот будущее, в которое трудно смотреть бесстрашно; и это возможное будущее. Фактически, реальностью становится Желтая Опасность, о которой я говорил много лет назад и по поводу которой многие только смеялись».

В определенном смысле именно кайзер Вильгельм затащил царя Николая в болото восточноазиатской политики. С.Ю. Витте: «С захватом Киао-Чао Вильгельм дал первотолчок нашей политике здесь. Германские дипломаты и кайзер сделали все возможное, чтобы затащить нас в восточноазиатские авантюры... Вильгельм является подлинным автором войны». С настойчивостью и постоянством кайзер убеждал царя Николая Второго, что миссией России является культивировать Азиатский континент и защитить Европу от нашествия желтой расы.

Предпосылки войны с Японией

Не было еще за последние четыреста лет случая, чтобы посланцы Европы отступили перед иными цивилизациями. Население Японии было в три раза меньше населения Российской империи. В индустриальном отношении Россия никак не уступала тихоокеанскому новичку мира промышленности и науки.

Но Россия имела важные обязательства в Европе, она не могла вывести все свои силы на бой с дальневосточным противником. Только 6 из 25 европейских корпусов приняли активное участие в разразившейся войне. Основу военной силы на Дальнем Востоке составляли 8 бригад восточносибирских стрелков, шесть батальонов пехоты резерва, две недоукомплектованные бригады, прибывшие из европейской части страны в 1903 г., один полк кавалерии, пять с половиной полков казаков. Эти части были боеспособными, но никто в самой России не рискнул бы назвать их принадлежащими к воинской элите. Уже по ходу войны на театр военных действий были переведены из Европы Первый, Четвертый, Восьмой, Десятый, Шестнадцатый и Семнадцатый армейские корпуса (в каждом по две дивизии; общая численность корпуса — 28 тыс. солдат и офицеров плюс 112 орудий). Перевод одного корпуса из одной части света в другую занимал примерно 40 дней. В основном русские войска на Дальнем Востоке являли собой вчерашних крестьян из восточной части страны. Они были упорными, смелыми, привычными к трудной жизни, лояльными царю и отечеству. Однако им в то же время безусловно не хватало образования и воинского искусства. У английских наблюдателей были основания полагать, что стрельба русских была «худшей в Европе». И не только из-за отсутствия упражнений. Русские солдаты обязаны были стрелять *по приблизившемуся противнику и только вместе и по команде*.

К этим проблемам добавлялся низкий профессиональный уровень офицерства. Англичанин Стори не без основания пишет: «Когда война началась, Верховное командование находилось в руках уходящего в прошлое поколения. Многие из них были абсолютно невежественны в отношении использования таких инструментов ведения

современной войны, как беспроволочный телеграф, гелиография, подача световых сигналов. Я знал генералов, которые отказывались создавать гелиографический аппарат, называя его просто игрушкой».

Интеллектуальной элитой русской армии считались офицеры Генерального штаба, но многие проблемы Востока им были не понятны, многие их суждения не отличались глубиной. Так одно из их базовых умозаключений сводилось к тому, что один русский солдат по боевым качествам «равен» трем японским. В Генеральном штабе никто не говорил по-японски. Да и во всей русской армии в 1904 г. было всего одиннадцать переводчиков с японского; только двое могли *читать* по-японски.

* * *

Впрочем, у русских был один сильный союзник — время. Оно работало на российскую сторону. В Токио полагали, что со временем русские усилят 8 восточносибирских бригад и превратят их в 8 полнокровных дивизий, каждая из которых будет состоять из 12 батальонов. Глядя из исторического далека, следует сказать, что в этих калькуляциях японцы были правы; примерно такими и были планы высшего военного командования России.

Именно поэтому японская разведка чрезвычайно точно фиксировала создание каждого нового русского батальона, воспринимая это военное усиление России на востоке буквально как прямую угрозу существованию Японии. В те самые дни и месяцы, когда Петербург легкомысленно интересовался парижскими новинками, выехавшими на дороги автомобилями, сообщениями о первых летательных аппаратах, Япония уже не могла думать ни о чем другом, кроме как о страшной, смертельной угрозе с севера и противостоянии этой угрозе. Военный дух овладевал страной, все выше поднималась волна антироссийской истерии. Внутренний климат в Японии формировался милитаризмом, базировавшимся на той идее, что с севера над Японским архипелагом нарастает неумолимая гроза. В средствах массовой информации (в таких популярных газетах, как, скажем, «Асахи») ведущие интеллектуалы своим авторитетом поддерживали партию войны.

Во главе организации, следящей и оценивающей военный, экономический, духовный потенциал Российской империи, стоял тридцатилетний военный атташе в Петербурге полковник Акаси Мотохиро. Он имел разветвленную разведывательную сеть, внимательно следящую за всеми основными аспектами жизнедеятельности российской государственной машины и российского общества. Особенно внимательно японская разведка присматривалась к региону восточнее озера Байкал. Японские карты этих мест просто превосходны. Можно смело признать, что к началу войны японцы знали о России гораздо больше, чем русские об экзотической для них Японии.

В фокусе внимания японской разведки были военные усилия России. К примеру, в Токио незамедлительно узнали о перемещениях русских войск на Дальний Восток. Люди Акаси Мотохиро (даже к своему удивлению) сумели проникнуть в российское военное министерство. Однажды, когда полковник Акаси беседовал со своим агентом — офицером русского Генерального штаба (они рассматривали карту Сибири), — к Акаси неожиданно явился русский генерал и атташе пришлось запихивать офицера вместе с картой в туалет. Но генерал оказался невнимательным и вскоре покинул дипломатаразведчика. Предатель же без особого смущения вышел из туалета и продолжил передачу своей бесценной информации.

К середине января 1904 г. японские агенты (среди них было немало женщин) разместились в ключевых местах Маньчжурии. Японская разведка в начале 1904 г. донесла о военных приготовлениях русских близ реки Ялу и в европейской части России. Русские войска в Сибири были мобилизованы, 10-й и 17-й армейские корпуса (включающие 4 пехотных дивизии и 4 артиллерийские бригады) были подняты по тревоге и направились на Дальний Восток. И в Западной Сибири воинские подразделения начали смещение к востоку.

* * *

На балу в Зимнем дворце японский посол Курино встретил бывшего министра финансов Витте и попросил его о помощи в дипломатическом разрешении потенциального конфликта. «Япония на краю своего терпения, и если ответа не поступит и сейчас, то разразят-

ся враждебные действия». Витте передал слова Курино Ламздорфу, но ответ министра вселил мало надежд: «Я ничего не могу поделать. Я фактически не принимаю участия в переговорах».

К 4 февраля 1904 г. российского ответа не последовало, и Токио принял роковое решение. Пораженному Ламздорфу посол Курино заявил, что покидает русскую столицу. Курино объяснил министру, что его правительство считает *«необходимым защищать свои права»*.

В Токио генерал Ойяма произвел обзор сложившихся обстоятельств. Он пришел к заключению, что промедление невозможно — оно будет в пользу России. Ее мощь, полагали японцы, будет расти с каждым годом по мере использования Транссиба, по мере освоения Дальнего Востока. *Следовало решаться*. В полуофициальном «Суждении о ситуации», представленном трону, Ойяма *впервые говорит, что чем быстрее состоится нападение на Россию, тем лучше для Японии*.

В Токио 3, 4 и 5 февраля 1904 г. состоялись три чрезвычайно важных совещания. На последнем присутствовал японский император. До этого, на рассвете 4 февраля император вызвал к себе во дворец своего старого фаворита Ито. Император был в спальных одеждах, знак доверия. Ему было важно знать, что к настоящему моменту Ито отошел от позиции несогласия со сторонниками войны. Днем пажи принесли исключительной важности документы последнего заседания кабинета министров, старейших политических деятелей (генре) и Генерального штаба. Базируясь на всех этих мнениях, император японцев дал свое «высочайшее одобрение» принятым этими органами решений в пользу войны с Россией.

Удар

Рано утром 6 февраля 1904 г. в военно-морском порту Сасебо специальные катера свезли адмиралов Объединенного японского флота на флагманский корабль — построенный в Британии «Микаса» (водоизмещением 15 тыс. тонн). В штабной каюте их встречал вице-адмирал Того Хейхачиро, главнокомандующий Объединенным

флотом. Вчера он получил императорский приказ, ни много ни мало, как «уничтожить русский флот». В час ночи этот приказ был прочитан японским морским офицером. У Того был молчаливый и торжественный вид, перед ним стоял накрытый белой скатертью стол, на котором вокруг сабли и кортика главнокомандующего было разлито в бокалах шампанское. Позади адмирала, прикрытый пурпурной занавесью, висел фотопортрет императора Мэйдзи. Рядом с Того стояли командор Акийяма Масаюки и вице-адмирал Камимура Хиконойо, командующий Вторым флотом. Сорок адмиралов и капитанов стояли по десять в четыре тесных ряда.

Того говорил низким голосом: «Сегодня из военно-морского Генерального штаба получено сообщение о разрыве отношений с Россией, и что наша нация ныне вольна выбирать свой собственный способ действий. Теперь командование в ваших руках, господа».

Военная элита Японии ждала этого часа десять лет, но теперь очевидное волнение сказалось на поведении всех. Один из японских офицеров вспоминает: «Я ощутил в этот момент нечто вроде удара, по моим щекам текли слезы. Меня охватило чувство, что я принадлежу к великой Японской империи, существующей две с половиной тысячи лет... Я всегда недоумевал, почему мы не начали эту войну раньше».

* * *

Первыми подверглись нападению 8 февраля (26 января по старому стилю, принятому тогда в России) 1904 г. русские корабли «Варяг» и «Кореец» в бухте Чемульпо. Подвиг русских моряков с этих кораблей широко известен, но примечательно, что российское командование узнало о нем с опозданием. Японцы сумели обрезать кабель, соединяющий Порт-Артур с Чемульпо еще утром 7 февраля 1904 г., и в Порт-Артуре никто не знал о происходящем в Чемульпо. Адмирал Оскар Викторович Старк, командующий крепостью Порт-Артур, долгие годы хранил написанный привычным зеленым карандашом приказ наместника Дальнего Востока адмирала Алексеева, запрещающий ставить флот в защитную позицию. Алексеев несколько раз отказывал ему в мерах по укреплению флота — «чтобы не про-

воцировать японцев». Поэтому термины «измена» и «преступная халатность» должны быть адресованы главному царскому сановнику в крае.

В 2 часа ночи 9 февраля 1904 г. японские катера и миноносцы произвели торпедную атаку на русские корабли, стоявшие на рейде Порт-Артура. Каждый японский корабль выпускал две торпеды, после чего поворачивал назад, на юг. Этой атакой русские были захвачены врасплох. Крейсер «Паллада» получил особые повреждения — огромная пробоина, на крейсере начался пожар. Японские торпеды пошли на красу и гордость русского флота — самый лучший русский корабль «Цесаревич» и нанесли ему тяжелый урон. Степень неожиданности была такова, что команды кораблей не могли понять, что происходит. Ждали приказов, а их не было. Адмирал Старк доложил заместнику на Дальнем Востоке адмиралу Алексееву о происшедшем в Порт-Артуре. Характерна его первая реакция — он отказался верить в то, что японцы осмелились напасть на русский флот в Порт-Артуре: «Это невероятно!»

Основные японские силы подходили к Порт-Артуру тремя группами. Первую возглавлял флагман флота «Микаса» и пять других эскадренных броненосцев — «Асахи», «Фудзи», «Яшима», «Сикисима», «Хатсусе». Во второй группе было пять тяжелых крейсеров, в третьей — четыре крейсера. Как только русские корабли оказывались в пределах артиллерийской стрельбы, японцы начинали бить из своих орудий, сначала эскадренные броненосцы, а потом крейсера. Русские корабли, хотя и находились под прикрытием артиллерии фортов, маневрировали, чтобы не представлять из себя живой мишени. Русские капитаны достаточно хорошо знали, что «Микаса» может поражать своими 12-дюймовыми орудиями цель на расстоянии более 8 тыс. метров.

Ответным огнем прибрежных батарей и кораблей флота был поврежден верхний мостик «Микасы». Очевидны были попадания в броненосцы «Фудзи» и «Хатсусе». Среди русских кораблей только крейсер «Новик» рискнул пойти на перехват японцев. Запущенные с него торпеды вполне очевидно поразили один из японских кораблей. (Доблестный «Новик» был построен в Германии, и, получив его, ко-